

ФИЛОСОФИЯ

УДК 291.1

DOI: 10.21779/2500-1930-2023-38-3-89–96

Е.А. Метелёва

Философские и культурно-символические идеи испытания в суфийско-поэтическом творчестве Низами Гянджеви¹

*Институт философии и социологии Национальной академии наук
Азербайджана; AZ1073, г. Баку, просп. Г. Джавида, 115; evgeniametel@gmail.com*

Аннотация. Испытание как объективный вызов социума и бытия в целом относительно деятельности человека в рамках его жизненной предопределенности фокусирует в своем содержании факторы социальных противоречий, отвечать на которые ему приходится путем страданий и принесения жертв во имя высшей Истины. В мировых религиях проблема испытания связана, прежде всего, с проверкой готовности человека освободиться от греховной оболочки через постижение истинного смысла бытия. Для этого были созданы многочисленные духовные практики, в том числе зороастризм (соблюдение закона Вселенской Гармонии через чистоту помыслов, дел и слов), йога (в виде ускорения процесса перерождения души для достижения нирваны), суфизм (достижение просветления через аскетизм, подвижничество и мистицизм), христианство (в виде получения даров от Духа Святого, эмоций, чувствований, что облагораживает, готовит к испытаниям). XII век современен постановкой тех же проблем, какими живет общество сегодня, хотя и в несколько иной форме. Идеи корифея мировой культуры Низами Гянджеви об испытании через познание истинного смысла происходящего в мире, выраженные в художественно-философской форме, раскрывают пути к осознанию трудностей и проблем, поставленных перед современной человеческой цивилизацией.

Ключевые слова: испытание, страдание, жертвенность, экзистенция истины, социальные и духовные смыслы познания.

Введение

В эпоху глобальных перемен, когда в жизнь врываются экологические катастрофы и сопровождающие их тяжелые социальные катаклизмы, человечество все больше задумывается над вопросом о том, почему на долю современного поколения выпали такие сложные испытания.

Нет на Земле человека, жизнь которого не подвергалась бы испытанию: от рождения и до самой смерти перед ним возникает множество проблем, без решения которых он просто не сможет существовать. Проявление при этом силы воли, доброты или агрессии не снижают риска появления последующего испытания, создающего, в свою очередь, ряд трудных ситуаций для нашего существования. И как показывает историческая практика, данный феномен является обязательным для интеллектуального становления поколений, то есть фактор испытания приобретает характер духовного принципа

¹ Данная работа является продолжением статьи «Суфизм и исихазм – параллели духовных смыслов» (Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2022. Т. 37, вып. 2. – С. 78–87).

и ведущего нравственного понятия. Лексическое многообразие синонимов очерчивает категориальную область понятия испытания как рока, доли, судьбы, кармы, искушения, переживания, страдания, потрясения, мучения, экзамена, проверки на прочность, «боевого крещения», перенесения тяжелых потерь, а также преобразования, трансформации, переориентации, озарения и т. д. По этому поводу Низами писал следующее:

«Коль хочет это дело направить сам Господь,
То должен здесь он трудности направить.
И если даст крестьянину он деньги,
То надо здесь его вначале мучить:
Ведь коль нет колючек на жизненном пути,
То вряд ли он цветов прекрасных аромат учует» [13, с. 58].

Содержание понятия *испытание* отражает различные уровни понимания человеком своей судьбы. Теоретическая база (восприятие) и практическое воплощение данного понятия образуют принципы развития социального мира через противоречия и их разрешение. Гносеология испытания показывает наличие противоречивых (негативных и позитивных) понятий смысла. Феноменологически, с одной стороны, испытание предполагает перенесение боли, страдания, а с другой – является условием проявления стойкости духа и выдержки. Если в современном мире конформизма понятие испытания и сопутствующего ему страдания несет асоциальную ориентацию, то в духовной практике, к примеру, в суфизме и исихазме, оно приобретает смысл контрарного суждения как движения к истине двух понятий: социального и духовного. В таком духовно-религиозном контексте оно тесно связано с провиденциализмом, судьбой человека, посылаемыми Всевышним испытаниями, для преодоления которых ему необходимо смириться с судьбой, найти в себе силы выдержать их, или же, напротив, противостоять им и выйти из этих испытаний с честью или победителем. Это одна из интереснейших философских проблем, позволяющая раскрыть готовность человека к жизни в этом мире, узнать, как он понимает свою судьбу, как соизмеряет свои действия с духовными наставлениями религиозных текстов религии, которую он исповедует [4; 5].

Поэтому не случайно в произведениях выдающихся писателей, поэтов, духовных деятелей и философов проблема испытания выдвигается на передний план. На это обратила внимание Гумбатова Х.Г., отметив, что этой проблеме посвящены многие работы исследователей, в том числе где она рассматривается в контексте религии: веры и неверия [8]. Так, ещё Бертельс Е.Э., размышляя над трудами Низами, подметил, что одной из вариаций для преодоления жизненных трудностей, которые посылаются человеку в качестве испытания, может быть обращение к аскетизму, ограничению своих мирских потребностей для достижения высших целей, прежде всего, любви к Богу через его познание [6; 7]. Руми и аль-Газали в своих философских размышлениях также придавали большое значение вопросу испытаний, поскольку, выдержав их, можно было достичь высшего блаженства или очищения души, ее святости [9]. Проблема испытания в произведениях Низами исследуются в трудах А.Е. Крымского и Е.Э. Бертельса [6; 7], а также в контексте проблемы суфийских духовных практик в целом в работах И. Насырова [14].

Тем не менее, несмотря на широко развернувшийся дискурс вокруг философской проблемы испытания, анализу трудов Низами, рассматривающих испытание в суфийском контексте, уделяется недостаточно внимания. Впрочем, как и всему его творчеству. Поэтому в данной статье мы обратимся непосредственно к самому творчеству Низами.

Философские смыслы испытания в трудах Низами Гянджеви

Низами Гянджеви (Абú Мухáммед Ильяс ибн Юсуф) среди ведущих авторитетов суфизма в персидской культуре XII в. является корифеем восточной классики духовного понимания мира и поиска правильного пути в жизни. В поэме «Сокровищница тайн» [2] в гомилетике притч Низами излагает насущные проблемы человеческой жизни через анализ смысла понятий добра и зла, любви и ненависти. Ключом к сокровищам всех тайн является для него духовная мудрость, которая открывается только тому, кто стремится встать на поиск истины. Категориальный смысл понятия правильного пути у Низами теоретически сложен, т. к. он отражает сплав столпов ислама и общечеловеческих ценностей. Феномен мудрости для поэта – многозначное понятие, которое открывается лишь страждущему в поисках связи небесного и земного понимания мира. Людская жизнь представляется полной самообмана, безграничного стремления к богатству, обладанию властью, что ведет к духовной слепоте и потере реального смысла жизни:

«Быть подвижником стойким – удел моего бытия,

И склонясь перед властным, подвижником сделался я» [10, с. 43].

У Низами практически в каждой притче поднимается вопрос о бренности и скоротечности земной жизни. В притче «О споре двух мудрецов» [3, с. 134–136] Низами описывает спор мудрецов, каждый из которых претендует на статус «сверхмудреца», обладающего превосходством над всеми непосвященными. Однако ужиться друг с другом в одном дворце им неволе: каждый хочет быть один на пьедестале почета. В конце концов нетерпимость друг к другу, нежелание уступить доходят до полнейшего обоюдного неприятия. И тогда они решают себя испытать, чтобы узнать, кто выносливее: тот из них, кто выпьет кубок яда и не повредит себе – будет в этом доме жить один. Поэт показывает здесь накал человеческих страстей:

«Первый противник приготовил немного яда,

От одного запаха которого плавился камень.

Отдал он своему (противнику), говоря:

«Это улаждающее душу вино,

Ты не считай его ядом, ибо оно лучше сахара».

Отважный, как лев, мудрец взял его напиток,

(И словно) думая о сахаре, легко выпил его.

(Тотчас же) он сварил противоядие из трав и выпил его,

И закрыл противоядием путь (для) прохождения яда,

Он словно мотылек сгорел, но снова обрел крылья,

(И) подобно свече, снова поспешил на собрание.

Он в саду с лужайки сорвал один цветок,

Прочел какие-то волшебные (молитвы),

А затем подул на тот цветок.

Он отдал врагу, чтобы наказать его

Тот цветок, который оказался более действенным,

Чем яд (первый),

Противник, получив цветок от околдовавшего его (мудреца),

Побежденный страхом, отдал душу (Богу).

Первый с помощью лечения вывел из тела (своего) яд.

А этот от воображаемого (страха) перед каким-то цветком, умер.

Каждый многокрасочный цветочек, который растет в земном саду,

Является каплей крови человеческого сердца» [2, с. 135].

Низами призывает читателя не отягощать себя земными заботами, бессмысленными испытаниями и не становиться жертвой своей собственной глупости, спровоцированной тщеславными претензиями на получение иллюзорных благ этого мира. Философ предлагает сменить жажду приобретения бренных ценностей жизни на доверие Творцу, на надежду в чистом сердце на получение бесценной помощи от Всевышнего, то есть на мудрость разума. Низами полагает, что только действительно свободный муж, искусный в доблести, «в печальном мире не печалится о нем» [2, с. 136]. Он приходит к мысли, что тому, кто живет в суете сует, да еще ради этого способен убить ближнего, объяснить, что есть Истина, невозможно. Поэт заканчивает притчу восклицанием: «Так как ты алчешь мира, то веру отдай Низами, а себе возьми мир» [2, с. 78–81].

Низами заботит, что многие не проникаются глубинами духовного знания, просто обращены к поверхностным формам и ко всему тому, что привычно для них в пространстве их окружения. Поэт в своей притче обращается к каждому читателю с призывом к погружению в сокровенные глубины правильного знания, которые сразу неочевидны. Для Низами человек, не постигший глубинного смысла духовного понимания мира, подобен слепцу, заблудившемуся в лабиринте своего невежества. Во всех своих произведениях поэт поднимает вопрос истины, однако ее познание не лежит на поверхности и не может быть постигнуто также в колдовской, магической практике.

Тайна бытия реально существует, и ее обнаружение возможно только через сердце, способное познать невыносимую боль утраты, пройти через горнило тяжкого испытания и, в конце концов, понять свое ничтожество через совершенный грех. Многозначность самого понятия испытания переносит социальные и духовные запросы человека в плоскость мирских интересов. И в этом смысле поэт сожалеет о том, как мало человек знает о себе. Если заблуждение для мирского человека может быть в какой-то мере безобидным, то для человека, наделенного безграничной властью, оно является губительным. В силу этого Низами свой гражданский долг видел в изображении такого правителя, который способен преодолеть в себе все пороки суетного мира в качестве испытания, прежде чем будет способен изменить этот мир.

Аксиологический статут правителя в трудах Низами

Низами в своих рассуждениях часто обращается к теме правителя, потому что государь является венценосной особой с неограниченной властью, в силу чего именно ему дано право вершить судьбами людей целого государства. И в притче **«О справедливости и охране правосудия»** [2, с. 78] и во многих других произведениях философ призывает правителей не только достичь высокого уровня образования и культуры, но и быть посвященными в духовные тайны человеческой души и мироздания: «из предвечного света взлелеянного (изначальным), тебя одарили более благосклонно» [2, с. 79].

И в этом смысле государь для Низами является реальным человеком, которому следует соблюдать необходимые условия при познании истины. Поэт призывает правителя встать на путь благородного служения народу: «если ты – государь, то стремись приобрести шахскую обитель» [2, с. 81–85], т. е. соответствовать благородному статусу: не страстями греховными, но глубинной прозорливостью сердца и разума. Низами призывает шаха к постижению духовных ценностей, не считаясь с суетными стремлениями людей к мирским благам: «Уповай ты сердцем на Господа, и ты будешь в радости: В этом и заключено самостоятельное царство для тебя» [2, с. 85]. Царь, который

боится Бога и исполняет Его заповеди, будет огражден от глупости и неправильных поступков: по сути дела, ему будет дарована мудрость, прозрение на каждом непредвиденном повороте пути. Суфизм призывает человека к постоянному и сокровенному общению с Богом и к повиновению воле Творца. Статут мудрого правителя – образец для духовного подражания для того, кто готов ко всем испытаниям, что предстоят на его жизненном пути.

В притче «**О Нуширване и его визире**» [2, с. 85] поэт рисует образ правителя, который, неожиданно узнав о разорении им множества селений, стал сожалеть о содеянном. Он способен осудить свои беспечно прожитые дни, покаяться и принять наказание за совершенный им грех. Высокий сан не спасает правителя от соответствующей кары:

«Да будет в моем сердце подлинное милосердие,
Да будет мне стыдно пред собою и пред Господом.
Сегодня моим зрелищем стала стезя тиранства;
О горе моему позору: завтра в день Воскресения
Мое бесполезное тело обречено на сгорание...
От этой печали мое сердце горюет над сердцем –
Сколько можно было поднимать пыль тирании?
Сколько можно было проливать кровь своей чести и кровь людей?
В день Воскресения за мои беспомощные побеги
Спросят с меня, спросят, как полагается.
Я покрыт позором, как мне не сидеть пристыженным?
У меня сердце каменное, как мне не скорбеть сердцем?
Посмотри, сколько я должен стерпеть порицаний
До того как я унесу этот позор в день Воскресения?» [2, с. 85].

Низами полагает, что смысл жизни может быть понят правителем, как и всем народом, только, исходя из божественной трансценденции. Духовная мудрость направляет поиски истины к суфизму. Суфизм не есть пассивный и созерцательный путь. Суфием становится только тот, кто сжигает свои страсти в огне постоянной жертвенности, т. е. вступает на путь покаяния и мужества.

Прозрение, осознание своих ошибок дало возможность царю исправить совершенную им несправедливость. Шах Нуширеван отменил «драконовы» налоги, прекратил насилие и гнет. Подданные оценили внимание царя к жизни простых людей, и он в последующем снискал славу справедливого правителя.

Проблема неограниченной власти всегда волновала Низами. Поэт понимал, что чем большей властью обладает правитель, тем больше блага или, напротив, несчастий он может принести своему народу. Царь может быть образованным в различных сферах науки и искусства, но при этом быть духовно испорченным и не бояться совершить грех. Возмездие не заставит себя долго ждать: притянув к себе грех, поступая несправедливо, правитель, в конце концов, оказывается во власти страданий и смерти. Так и любовью смертный уже не в силах самостоятельно избавиться от страданий, хотя и пытается это сделать. Для Низами важно донести до каждого читателя мысль, что несчастья носят не только личностный, но и социальный характер.

Совершенный правителем грех становится тяжелым бременем для подвластного ему народа, наделяет последующие поколения слепотой души за нераскаянный грех. О социальных бедах Низами говорит, что страдания считаются возмездием, не только разрушающим человеческое тело, но и ослепляющим дух народа, охваченного стремлением ко злу. По Низами, страдание становится проклятием Божьего суда за совер-

шенный грех, причем как для одного человека, так и для многих. Поэт понимает, что свободным от страданий еще никто не родился.

Для Низами ведущими были идеи такого священного источника, как Коран: «любое бедствие постигает вас лишь за то, что приобрели ваши руки, и Он прощает вам многое. Вы не спасетесь бегством на земле, и нет у вас, помимо Аллаха, ни покровителя, ни помощника» [3, аяты 30–31]. Поэт понимает, что Творец допускает страдания потому, что желает спасения человеку, а не гибели. Тайна суфизма открывается в возвращении человека к Богу путем преобразования его души через испытание его совести. Страданий, как таковых, нельзя избежать, их можно только пережить и духовно преодолеть. Мирской человек не может смириться с этой позицией суфизма и потому считает, что можно избежать мучительных испытаний. В целом проблема оправдания страданий постоянно занимает человека [14, с. 50]. Страдать означает испытывать физическую или душевную боль. Не лучше ли жить, ни о чем не думая, в радости и богатстве? Однако воспрепятствовать воле Творца не может никто из смертных. Поэт в своих произведениях говорит о смирении, терпении и принятии каждым в покаянии своей кармы для того, чтобы преодолеть самого себя и стать совершенным. А боль побуждает к деятельности и делает сильного человека еще сильнее. Надежда на Царство Божие и доверие Творцу требуют большой веры, смирения, покорности, долготерпения, соблюдения заповедей и стремления всё претерпеть до конца.

Поэтический язык Низами полон философской и культурно-символической образности. Поэт был достаточно хорошо знаком с арабской астрологией и алхимией, в силу чего для назидания он использует параллели значений различных понятий: «...бери жемчужину – сущность, земной прах отдай и золото бери» [2, с. 79]. Понятия *жемчужина*, *золото* в алхимической практике обозначают не только духовный смысл жизненной силы всего существующего, но и высшие сущности мира: любовь, терпение, милосердие или, напротив, зло, ненависть, разрушение.

Выводы

Творчество Низами Гянджеви хранит тайну зеркального кристалла, заглянув в который страждущий может увидеть свое истинное лицо и открыть свое невежество. Каждая притча начинается сакральной мыслью о возможности нахождения пути выхода из лабиринта проблем и обретения источника истинного бессмертия через совершенствование своего духа и его закаливание посредством испытаний, посланных Всевышним. Ум человеческий должен приближаться к пониманию божественных истин. Обобщая житейскую практику, Низами стремится обосновать идею о том, что есть общечеловеческие ценности, которые нельзя переступить. Прежде всего человек, познавая себя, познает Бога.

В своем суфийско-поэтическом творчестве Низами показывает, как испытанию подвергается все существо человека – его тело, душа и ум. Но при этом он не прославляет страдание страждущего человека, открывает путь освобождения в терпении, чтобы избавиться от искушения порока. Низами полагает, что страдание обладает великой катарсической и назидательной силой, т. к. пробуждает дух человека, куёт его стойкость и мужество, самообладание и силу воли. Низами в своих поэмах утверждает мысль о том, что без страдания нет истинной любви, нет понимания истинного счастья. Простой народ воспринимает эту правду как судьбу, воздаяние Божье.

Литература

1. Метелева Е.А. Суфизм и исихазм: параллели духовных смыслов // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2022. Т. 37, вып. 2. – С. 78–87.
2. Сокровищница тайн. АН АзССР, Институт литературы им. Низами / филологический перевод с фарси и комментарии проф. Рустама Алиева. – Баку: Элм, 1983.
3. Коран. Сура «аш-Шура», аяты 30–31.
4. Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в Евразии: Современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 515 с.
5. Керимов Г.М. Суфизм: мистическая ветвь в исламе // Вопросы научного атеизма. Вып. 38. Мистицизм: проблемы анализа и критики / редкол. В.И. Гараджа (отв. ред.) и др.; Акад. обществ. наук ЦК КПСС. Ин-т научного атеизма. – М.: Мысль, 1989. – 335 с.
6. Бертельс Е.Э. Низами и Физули. – М., 1962.
7. Крымский А.Е. Низами и его современники. – Баку: Элм, 1981.
8. Гумбатова Х.Г. Концепция божественной любви в поэме «Лейли и Меджнун» Низами Гянджеви // Проблемы востоковедения. 1913. № 4 (2). – С. 37–41.
9. Руми Джалал ад-дин Мухаммад: Сокровища воспоминания. – М.: Ганга, 2018. – 208 с.
10. Nizami Gəncəvi – Məxzən-ül-əsrar, mətnə elmi o entaqadi bəsəyə və ehtmam Ə.Ə. Əlizadə. – Bakı, 1960.
11. Məmmədov Z. Nizaminin sufizmə və ismailizmə münasibəti // Azərbaycan müəllimi qəz. 31 iyul 1991.
12. Babayev Y. Təriqət ədəbiyyatı: sufizm, hürufizm. Ali məktəblərin filoloji fakültələri üçün dərs vəsaiti. – Bakı: Nurlan, 2007. – 128 s.
13. Nizami Gəncəvi. Xosrov və Şirin, “Adiloğlu” nəşriyyatı. – Bakı, 2011. – 388 s.
14. Насыров И.Р. Духовная практика в исламском мистицизме (суфизме): альтернатива откровению или имитация // Философский журнал. 2009, № 3. – С. 49–54.

*Поступила в редакцию 1 августа 2023 г.
Принята 30 августа 2023 г.*

UDC 291.1

DOI: 10.21779/2500-1930-2023-38-3-89–96

Philosophical and Culture-Symbolic Ideas of Testing in the Sufi-Poetic Works of Nizami Ganjavi²

E.A. Meteleva

Institute of Philosophy and Sociology of the National Academy of Sciences of Azerbaijan; AZ1073, Baku city, 115 G. Javid Avenue; evgeniametel@gmail.com

Abstract. The test, as an objective challenge of society and being in general regarding human activity within the framework of its life predetermination, focuses in its content the factors of social contradictions, which a person has to answer through suffering and sacrifice in the name of the highest Truth. In world religions, the problem of testing is connected, primarily, with checking a person's readiness to be freed from the sinful shell through comprehending the true meaning of being. For this, numerous spiritual practices were created, including Zoroastrianism (observance of the law of Universal Harmony through the purity of thoughts, deeds and words), yoga (in the form of accelerating the process of rebirth of the soul, to achieve nirvana), Sufism (achieving enlightenment through asceticism, asceticism and mysticism),

Christianity (in the form of receiving gifts from the Holy Spirit, emotions, feelings, which ennobles, prepares for trials). The twelfth century is contemporary in posing all the same problems that society lives today, although in a slightly different form.

The ideas of the coryphaeus of world culture Nizami Ganjavi about testing the true meaning of what is happening in the world through knowledge, expressed in an artistic and philosophical form, open the way to understanding the difficulties and problems facing modern human civilization.

Keywords: trial, suffering, sacrifice, existence of truth, social and spiritual meanings of knowledge.

Received 1 August, 2023

Accepted 30 August, 2023

² This work is a continuation of the previous article under the heading "Sufism and Hesychasm – Parallels of Spiritual Meanings" // Bulletin of the Dagestan University. Ser. 3: Social Sciences. 2022. Vol. 37, iss. 2. – Pp. 78–87).